

На следующий день небо очистилось от туч, озарившись яркой лазурью. Горожане потихоньку поговаривали, что такой благодатной погоды не было уже с месяц. Женщины высыпали на улицы сушить белье и проветривать перины, а детвора стайками устремилась к реке — ловить рыбу. Вокруг царила идиллическая умиротворенность.

Бай Цинюнь помнил о вчерашнем приглашении, а потому, когда пришел срок, собрался сам и вместе с младшими — Линьсюань и Е Цинхэ — направился в Терем Гостеприимства.

Эта ресторация считалась наибольшей и самой роскошной во всем Городе Тяньи. Расположенная у самой реки у подножия гор, она была выстроена из драгоценного драконового дерева, доставленного с далекого Южного моря, что стоило хозяину невероятных средств.

Поговаривали, будто владелец не скупился: нанял известнейшего живописца для росписи залов и выпросил каллиграфический свиток с надписью у бессмертного отшельника. Едва двери заведения распахнулись, просвещенная публика заговорила о его утонченности, и слава о нем мгновенно прогремела на весь край.

Впрочем, и нравы здесь царили строгие. Хозяин заведения завел непреложное правило — не впускать три категории гостей: неотёсанных невеж, приверженцев темного пути и тех, от кого за версту несло смердящим мещанским богатством.

Иная ресторация с подобной спесью прогорела бы за месяц, однако Терем Гостеприимства, напротив, лишь привлекал новых гостей. Желаящим откусать здесь приходилось дожидаться своей очереди по три месяца.

Однако в тот день в огромном Тереме Гостеприимства не было слышно привычного гула голосов и суеты слуг. На всех этажах царствовала глубокая, почти молитвенная тишина. Бай Цинюнь изумленно вскинул бровь. Неужели эта Ялин заставила упрямого хозяина закрыть двери и сдать весь Терем Гостеприимства целиком?

Дьявольская последовательница Темного Пути сумела склонить к стопам гордеца-владельца... Выходит, барышня Ялин сказочно богата.

Бай Цинюнь мысленно облился горькими слезами зависти.

Посыльный провел их на верхний ярус, где перед ними открылся совершенно иной вид.

Ялин не стала занимать душные отдельные кабинеты, а повелела обустроить помост прямо на открытой террасе. Отсюда открывалась великолепная панорама на широкую гладь реки и туманные горные гряды. Помост выстелили чистейшим шелком, вместо стен установили ширмы из дорогой парчи, украшенные россыпью нефрита и самоцветов.

Взгляд Бай Цинюня, скользнув по шелковым драпировкам, замер на фигуре во главе стола.

Там, в хозяйском кресле, восседала молодая женщина в ало-черных одеждах. Черные, как смоль, волосы были небрежно подколоты на затылке, а на белоснежных запястьях звякали изысканные браслеты — по четыре на каждой руке.

Завидев гостей, хозяйка лениво подперла подбородок ладонью и, едва заметно поведя алой губой, жестом пригласила их садиться.

Стоило троице занять свои места, как из боковых проходов выскользнула вереница слуг. Они несли подносы с чаем и лакомствами. На них были ослепительно белые одеяния, лица казались вырезанными из мертвенно-бледной бумаги, на щеках алели круглые пятна румян, а глаза оставались совершенно стеклянными.

Линьсюань при виде этих созданий заметно побледнела. Девушке и в страшном сне не могло присниться, что барышня Ялин использует в качестве прислуги погребальные бумажные куклы, да еще и заставит их кружить вокруг гостей.

Эта демоница и впрямь отличалась... крайним своеобразием.

А вот Бай Цинюнь к марионеткам остался равнодушен. Все его внимание поглотили аппетитные сладости. Секта Тяньи славилась своей скупостью: едва ученик достигал стадии Заложения Основания, его тут же лишали обычной пищи, переводя на духовную практику. Бай Цинюнь уже и забыл, когда в последний раз видел нормальные сладости.

Поглядывая на изысканные кушанья, он незаметно погладил живот и мысленно решил, что барышня Ялин — весьма достойный и щедрый человек.

— Несколько дней назад меня одолел легкий недуг, оттого я и не смогла принять Цзинмин-цзюня, когда он благоволил нанести визит. Прошу простить мне эту непреднамеренную оплошность.

Хотя слова звучали вроде бы извинительно, в ее голосе не слышалось и тени раскаяния. Избочив мизинец, Ялин изящно подняла кубок и небрежным жестом салютовала Бай Цинюню, после чего залпом осушила его.

Пила она слишком жадно, так что пара капель хмельного напитка стекала по ее щеке к подбородку. Смахнув их указательным пальцем, демоница смачно облизала его, не сводя пронзительного взгляда с бессмертного.

Их взоры пересеклись. Ялин кокетливо улыбнулась, источая соблазн, но Бай Цинюня волновало лишь одно: вымыла ли эта девица руки перед трапезой?

Какая негигиеничность.

— Эта барышня Ялин невероятно... развязна, — шепнула Линьсюань, подавшись к братьям. — Неужели все последователи темного пути ведут себя подобным образом?

Е Цинхэ взглянул на младшую сестру, собираясь напомнить о приличиях в чужом доме, однако Ялин опередила его:

— Младшая сестрица слишком щедра на похвалу. Дочери нашего клана действительно привыкли проявлять свою истинную натуру. Мы никогда не занимаемся фальшивым жеманством и уж тем более не прикрываемся ханжескими правилами приличия.

Линьсюань не ожидала, что у демоницы столь чуткий слух. Девушка мгновенно залилась краской от смущения и предпочла уткнуться взглядом в стол.

Бай Цинюнь легким покашливанием разрядил обстановку:

— Барышня Ялин, позвольте узнать, как ваше самочувствие? Если недуг еще не отступил, лекари нашей секты Тяньи с радостью спустятся с гор, дабы осмотреть вас.

— Цзинмин-цзюнь чрезмерно любезен, — с тенью наигранной искренности усмехнулась Ялин.

— Вовсе нет, — невозмутимо парировал Бай Цинюнь. — Вы — первая представительница темных кланов, остановившаяся в Городе Тяньи, так что проявлять заботу — наш прямой долг. К тому же барышня столь стыдлива, что вчера даже не осмелилась выказать нам почтение и выйти к гостям. Разумеется, нам следует проявить к вам особое внимание.

От этих слов улыбка на лице Ялин мгновенно застыла. Лицо демоницы налилось темной яростью, а хрустальный кубок в ее сжатых пальцах угрожающе затрещал.

Она отличалась непомерной гордыней и ни за что не терпела пренебрежения к своей персоне.

Атмосфера на террасе накалилась до предела. К счастью, в этот момент слуги начали подавать основные блюда. Вспомнив перед выходом наставления старшего брата, Ялин с трудом подавила гнев и заставила себя снова изобразить непринужденное радушие.

Глядя, как меняется ее мимика, Бай Цинюнь едва удержался от смешка. Вспыльчивая, словно ребенок, держит все эмоции на виду. Вспомнив, что в оригинальном романе эта девица была лишь громким пустозвоном, строящим из себя великого стратега, он решил проявить великодушие и простить ей вчерашнюю выходку.

— Предлагаю обсудить дела после трапезы, — спокойно произнес он.

Ялин щелкнула пальцами. Бумажные служанки синхронно подняли серебряные крышки с блюд.

Бай Цинюнь опустил взгляд — и его благодушная улыбка тут же замерла.

Забудьте все, что было сказано! У него нет и не может быть таких «детей»!

— Это особые деликатесы нашего клана, — с коварной усмешкой вымолвила Ялин. — Я лично просила повара приготовить их для вас.

«Особые деликатесы»? Бай Цинюнь уставился на тарелки, где извивалось и шевелилось сплошное месиво из змей и гигантских насекомых. Да уж, «особенности» тут хватало с лихвой.

Если он не ошибался, у тех жуков размером с тарелку все еще дёргались лапки! Неужели им предлагают жрать сырых, живых гадов?!

Бай Цинюнь посчитал это перебором.

Покручивая браслеты на запястье, Ялин торжествующе поддевала гостей:

— Что же почтенные бессмертные мастера не прикасаются к еде? Неужто трусили? Не верю, что у учеников великой секты Тяньи не найдется смелости испробовать наше угощение.

Бай Цинюнь мысленно скривился. Ну и что с того, если не найдется? Секта Тяньи — обитель благородных заклинателей, а не дикарей из древних лесов! С какой стати им совать в рот эту дрянь?

Однако отказаться прямо сейчас — значит дать Ялин повод для насмешек. Позволить ей порочить свое имя он бы еще стерпел, но запятнать честь родной секты никак не мог.

Набравшись храбрости, он еще раз взглянул на тарелку с извивающимся комком живой твари и тут же в ужасе отвернулся. Простите, но честь честью, а предел есть всему!

Бай Цинюнь решительно вознамерился сдаться. Он повернул голову и неожиданно встретился взглядом с Е Цинхэ. Бай Цинюнь подмигнул младшему брату, безмолвно призывая не принимать все близко к сердцу, но юноша лишь тихо вздохнул и... взялся за палочки.

«Постой, я вовсе не это имел в виду!»

— Если снять шкурку, вкус оказывается весьма изысканным. Барышня Ялин приложила немало усилий, — с невозмутимым лицом произнес Е Цинхэ.

Он принялся аккуратно, небольшими кусочками отправлять угощение в рот. Легкий ветерок шевелил его пряди, алые свечи отбрасывали призрачные тени, а родинка в уголке глаза придавала его юному лицу странное, почти манящее очарование.

Ялин прищурилась, впервые по-настоящему обратив внимание на этого молчаливого и красивого юношу.

Е Цинхэ вовсе не боялся насекомых. В детстве, выживая в нищете, он и не такое ел. Но вот шинсюн...

Не успел он закончить мысль, как заметил, что Бай Цинюнь тоже тянется за палочками. Брови юноши мгновенно сошлись к переносице.

Превозмогая тошноту, Бай Цинюнь зажмурился и запихнул кусок в рот. Если уж младший Цинхэ перешагнул через себя, то ему, как старшему брату, и вовсе стыдно идти на попятный!

Впрочем, смелости Е Цинхэ ему не хватало, поэтому он выудил из блюда куколку — на вид она казалась самой безобидной. Куколка — тоже часть насекомого, а значит, зачет!

Видя, что и Бай Цинюнь, и Е Цинхэ притронулись к кушаньям, Ялин не стала больше устраивать проверок. Сдосадовав, она велела бумажным слугам сменить блюда на обычные и призвала танцовщиц с музыкантами, чтобы разрядить обстановку.

Однако после этого ее взгляд то и дело возвращался к Е Цинхэ.

Бай Цинюнь замечал каждую деталь, но сохранял спокойствие, хотя про себя лишь сокрушенно качал головой. «И на что ты вылупилась? Е Цинхэ едва исполнилось пятнадцать! Покушаться на такого ребенка... ну и ну!»

Осудив старую козу, возмнившую себя любительницей молодой травки, он перевел взгляд на самого Е Цинхэ, желая проверить его реакцию.

К его удивлению, юноша и сам не сводил с него глаз.

Стоило их взорам скреститься, как Е Цинхэ мгновенно смутился и уставился в стол. Но уже спустя мгновение снова поднял голову, несмело глядя на него из-под длинных ресниц; уголки его глаз заметно покраснели.

Подобные метания навели Бай Цинюня на мысль, что младший брат хочет о чем-то поведать. Однако пока рядом находилась Ялин, затевать личные разговоры не следовало, и он решил расспросить юношу позже.

Бай Цинюнь отвернулся и сосредоточился на представлении.

Танцовщицы были хороши собой, их движения исполнены грации, а музыка ласкала слух, но для человека, искушенного зрелищами современности, все это казалось слишком пресным.

К сожалению, Ялин выглядела искренне увлеченной, так что ему оставалось лишь с трудом бороться со скукой.

А от скуки человек либо впадает в задумчивость, либо засыпает. Бай Цинюнь явно относился ко второй категории. Постепенно веки его налились тяжестью.

То ли усыпляющие мотивы так подействовали, то ли туманный полумрак пьянил разум, но под изящные па танцовщиц Бай Цинюнь медленно смежил веки.

Вокруг него белесыми клубами незаметно поплыл густой туман.

<http://bllate.org/book/20397/2118576>